

Удивительный во всем

Еще в докомпьютерную эру — во всяком случае в Советском Союзе эра была докомпьютерной — я перевела пьесу Карбальдо. Она называлась “Я тоже говорю о розе”. Ее не поставили. Да и не могли поставить хотя бы потому, что среди ее персонажей были два профессора (один — марксист, второй — фрейдист), выглядевшие одинаково смешно, когда комментировали происходившее на сцене. Между тем с парижской постановки именно этой пьесы Карбальдо стал известен в Европе. Он был уже тогда не молод. И, конечно, я не думала, что когда-нибудь с ним встречу.

Тем не менее...

Тем не менее встреча состоялась. Жизнь иногда сводит людей не случайно, а потому, что должны встретиться. Почти через тридцать лет (!), уже в патриаршем возрасте, в мае 2007 года по приглашению Союза театральных деятелей Эмилио Карбальдо приехал в Москву и отметил здесь свое восьмидесятидвухлетие. Его встречали, как “звезду”. Мне предложили сказать несколько приветственных слов, так как довольно долго в секторе культуры Института Латинской Америки (теперь Центр культурологии) я занималась только театром. Закончив приветствие, вручила ему красную розу, объяснив это тем, что когда-то мне понравилась его пьеса, в название которой входит слово “роза”, даже перевела, но...

Официальная часть закончилась, и Карбальдо сам спросил, а почему бы не перевести несколько его пьес. Сразу же составили книгу. В нее вошли: “Я тоже говорю о розе”, “Медуза”, “Ориноко” и “Роза с двойным ароматом”. Через несколько дней он отменил “Ориноко”. Не знаю почему. Думаю, что кто-то мог предложить перевести “Ориноко” для театра, а не для книги. Для драматурга это всегда интересней. Так или иначе, книга вышла без “Ориноко”, а в марте 2013 года “Роза с двойным ароматом” была поставлена как антреприза. Мне снова не повезло — поставили пьесу, переведенную не мной.

Тем не менее я была довольна. Мой перевод был напечатан. А спектакль по пьесе Карбальдо смогли увидеть в России, точнее даже в нескольких республиках, входивших раньше в СССР. Ведь антреприза это всегда — гастроль.

Важен контекст

Конечно, успех Карбальдо как драматурга обеспечен, прежде всего, его талантом. Но важен и контекст. Мексиканская революция 1910—1917 годов отразилась во всех сферах духовной жизни общества. Не составил исключения и театр. Начавшийся в нем процесс обновления достиг своего апогея в 20-е годы. Журнал “Latin American Theatre Review” пишет по этому поводу: “...сейчас, когда мы уверенно говорим о действительно современном театре в Испанской Америке, мы непременно отдаем себе отчет в

том, что он родился и окреп в Аргентине и Мексике, в горниле интеллектуального напряжения 1925—1940 годов, в новом климате свободы и энтузиазма, сформировавшемся в театральном искусстве”.

Это был экспериментальный театр. Его организаторы уделяли немалое внимание выработке собственной театральной эстетики. Осмысливая глобальные проблемы своего времени, они исповедовали идеи “универсального театра”, общие для всего человечества. И все же поначалу этот театр воспринимался как нечто экзотическое не только публикой, но и критиками — настолько новаторскими были репертуар, режиссура, манера игры, декорации. Несомненно, что во всем этом проглядывало влияние эстетических концепций, господствовавших тогда в Европе...

После Второй мировой войны происходят перемены, позволяющие говорить о следующем этапе в театральной жизни страны, связанном с началом профессиональной деятельности блестящего поколения “пятидесятников”. Будучи неотъемлемой частью становления послевоенной культуры, этот этап не завершен, потому что это и есть современный театр, о чем красноречиво свидетельствует творчество Эмилио Карбальидо, создавшего одну из своих первых пьес (“Промежуточная зона”) в 1948 году. Сам автор относит ее к жанру “ауто сакраменталь”, стремясь таким образом обратить наше внимание на связь с традицией. В то же время “мировоззренчески” пьеса находится где-то на грани экзистенциалистского театра и “театра абсурда”.

В пьесе (по сюжету это вариация на тему “страшного суда”) действуют обезличенные персонажи. На протяжении одного акта меняется 20 картин мистического характера, сопровождаемых музыкальными и световыми эффектами. Декорации спектакля вызывали у театроведов ассоциации с “кабиной космического корабля”. Пьеса имела сценический успех. Однако еще больший успех имела “Росальба и семья Льяверос”, поставленная в 1950 году Сальвадором Ново. С тех пор Карбальидо — один из самых популярных драматургов. Причем панорама его творчества столь широка, что у него можно найти все многочисленные направления и течения, характерные сегодня для театрального искусства Мексики. Это подтверждается и разнообразием полученных им премий. То, что их много, говорит о долголетию и о напряженной работе. То, что они есть, — о таланте. Но само их разнообразие свидетельствует о концептуальной незашоренности, о его особом “реализме без берегов”. С одной стороны он не боится прослыть модернистом, а с другой — он наследник и почитатель классического мирового и испанского театра, подчеркивающий непреходящее значение творчества Хуаны Инес де ла Крус и Кальдерона де ла Барка, дважды удостоенный премии “Руис де Аларкон”. В то же время он сотрудничает с индейским и крестьянским театром и получает премию кубинского издательства “Каса де лас Америкас” за пьесу социально-критического содержания “Короткий день ярости”...

В каком-то смысле Карбальидо — это история. И это естественно. Но не вызывает сомнений и то, что в его творчестве отражается наша совре-

менность и он оказывает на нее влияние. Прочитую в этой связи его ответ (*одно из последних интервью с ним*) на вопрос, планирует ли в свои годы что-либо на будущее: “Жизнь не может закончиться с завершением какого-то одного проекта, не может быть так, что ты достиг какой-то цели и полностью удовлетворен; выполнив одну задачу, ставишь перед собой следующую и идешь вперед. У меня еще много творческих планов. Пока жив, всегда строишь планы”.

Самое прекрасное еще впереди

Вскоре после того, как Карбальдо не стало, я получила письмо от Эктора Эрреры, его друга и наследника. Оно заканчивалось фразой из “Ориноко”: “Самое прекрасное еще впереди”. Эктор имел в виду, что творчество Карбальдо осталось с нами и становится доступным все большему количеству людей. И, конечно же, это удивительно и прекрасно.

Премьера спектакля по пьесе Карбальдо “Роза с двойным ароматом” состоялась в Москве, в ЦДЛ. Но чуть позже спектакль увидели в Екатеринбурге и во Владивостоке, в Прибалтике, в Киеве и в Одессе, в Петербурге и в Баку, во многих городах европейской части России. Кажется, вывезли даже (впервые на русском языке) в Израиль и в Канаду.

В заключение необходимо сказать, что Карбальдо был не только драматургом, но и театральным педагогом, режиссером, сценаристом на телевидении и в кино. Мексиканский театральный журнал “Трамбоя” (“Подмостки”) создан им. Есть у него и проза. Талантливый человек талантлив и удивителен во всем.

Наталия Константинова